

Толпа вокруг испуганно зашепталась. Лицо Истинного человека Лу позеленело от злости; он вперил в Чжао Сюэханя яростный взгляд, но уже мгновение спустя вернул себе привычное заклинателям холодное бесстрашие.

— К чему эти речи, почтенный? — предельно вежливо отозвался он. — Должно быть, вам просто неведомо, как бесчинствуют демонические отступники.

Он сделал паузу и обвёл взглядом собравшихся:

— Этот прихвостень бездны скрывался под личиной немого художника целых пять лет. Он написал для местных жителей бесчисленное множество картин, тайно вплетая в полотна губительные проклятия.

Лу-чжэньжэнь глубоко вздохнул и продолжил:

— Его нарисованные талисманы медленно вытягивают человеческие души, обращая их в духовную силу для своего хозяина. Стоит такой картине надолго остаться в доме, как она крупца за крупцей истощает человека. Нужны годы, чтобы довести жертву до могилы. Это проклятие действует незаметно, и обнаружить его невероятно трудно. Вот почему немой столько времени безнаказанно творил свои чёрные дела, оставаясь невидимым для других заклинателей.

С каждым словом его голос становился всё суровее:

— Демонический прихвостень обосновался здесь слишком прочно, его методы хитры и коварны. Если не казнить его сию минуту, кто поручится, что в других его картинах не скрыты новые ловушки? Если из-за нашего промедления пострадают невинные люди, цена за милосердие окажется непомерно высока.

Чжао Сюэхань изобразил на лице глубокую задумчивость, будто искренне поверил каждому слову, и понимающе кивнул:

— Вот оно как? Что ж, в таком случае этот отступник и впрямь невероятно коварен. — Затем он слегка склонил голову, притворяясь, будто пытается разрешить сложную дилемму: — Только вот незадача... В городке погибло немало тех, кто никогда не покупал его картин. Как благородный бессмертный объяснит это?

Лицо Истинного человека Лу на миг дрогнуло.

— Невозможно... — сорвалось с его губ, но он тут же поспешно кашлянул, скрывая замешательство. — Наше расследование не выявило ничего подобного. Расскажите подробнее, уважаемый.

— Картины немного стоят прилично, — заметил Чжао Сюэхань. — К примеру, кухонный работяга, погибший на днях, — откуда у бедняка взялись бы деньги на такую роскошь?

Выслушав его, Лу-чжэньжэнь снисходительно улыбнулся, вновь обретая уверенность:

— У покойного Ван У была кадучка для помоев, расписанная этим отступником. Он пользовался ею много лет, о чём знает весь город.

— Вот как? — негромко протянул Чжао Сюэхань.

В толпе зевак несколько трактирных слуг согласно закивали.

Чжао Сюэхань улыбнулся. Страх всё ещё сжимал тисками грудь, но теперь он чувствовал, что нити разговора переходят в его руки. Шанс выбраться из этой заварухи целым и невредимым становился всё реальнее.

Запустив руку за пазуху, он достал обломок деревянной дощечки и протянул его стоявшему в первых рядах хозяину постоянного двора.

— Взгляните, это ведь деталь от кадучки Ван У? — спросил Чжао Сюэхань.

Трактирщик ошеломлённо уставился на дерево, где была изображена веточка лилейника.

— Д-да... — пробормотал он, указывая на вырезанные сбоку неровные иероглифы. — Точно его почерк, это имя Ван У.

Чжао Сюэхань сдержанно усмехнулся:

— А сам рисунок?

— Разве его написал не немой? — растерялся тот.

— К сожалению, нет, — веско произнес Чжао Сюэхань. — Это работа самого Ван У. Буквально на днях они прятались от дождя, и художник просто подсказал парню, как вывести лепестки лилейника, чтобы они походили на настоящие. Бедняга так обрадовался, что растрепал об этом каждому встречному. Полагаю, все в трактире слышали его хвастовство.

— Верно... — хозяин постоянного двора во все глаза разглядывал дощечку. — Ван У хвастался мне. Я ещё посмеялся, мол, раз сам мастер руку приложил, то эта лохань теперь — самое ценное из всего его барахла.

— Рисунок на ушате действительно был, — Чжао Сюэхань медленно перевёл взгляд на Истинного человека Лу, — вот только вывел его своей рукой сам Ван У. Никакой тёмной магии в нём не было и в помине. Он выдержал драматическую паузу, давая толпе осознать услышанное. — Но раз художник не касался этой кадушки, почему же Ван У испустил дух так быстро?

Губы Чжао Сюэханя тронула тонкая, ироничная улыбка.

— Благородный Лу-чжэньжэнь — редкий гость в дешёвых заведениях. Должно быть, вы просто мельком увидели ушат в руках слуги на улице. Заметив знакомые очертания цветка, вы поспешили вынести вердикт, объявив чужую мазню смертоносным талисманом отступника.

Хозяин трактира и плотник растерянно переглядывались, не понимая, к чему клонит незнакомец, однако взгляды толпы уже устремились на Истинного человека Лу. Ропот сомнения прокатился по рядам горожан.

Высокомерие заклинателя испарилось без следа. С трудом выдавив сухую, натянутую усмешку, Истинный человек Лу попытался сохранить лицо:

— Неужели почтенный решил заподозрить меня?

— А у меня есть выбор? — Чжао Сюэхань лениво вскинул ресницы. — Или у вас найдётся другое объяснение?

— В-всему виной могли стать краски! — выпалил побледневший заклинатель, заметно запнувшись. — Демонический прихвостень наверняка поделился с ним своими снадобьями...

Чжао Сюэхань ожидал подобного шага. Он разочарованно покачал головой:

— Какая глупость. Пять лет этот якобы злодей мирно жил среди вас. Если бы ему требовались души для тайного самосовершенствования, он мог бы забирать по одной жизни в несколько месяцев, не вызывая никаких подозрений. Зачем ему внезапно устраивать резню, губить десятки людей за считанные дни и выставять себя на заклание?

Заклинатель мрачно хмыкнул, стараясь вернуть инициативу. С намёком кивнув в сторону безмолвного художника, он надменно процедил:

— Пути еретиков неисповедимы для праведных душ. Возможно, за пять лет его мерзкое искусство не принесло желаемых плодов. Потеряв терпение, он впал в безумие и решился на отчаянный шаг, лишь бы поскорее пробить барьер в культивации.

— Вот как? — Чжао Сюэхань задумчиво коснулся пальцами ножен, всем своим видом выказывая полнейшее безразличие. — А мне сдаётся, подобные бесчинства куда больше

походят на почерк заезжего гостя. Того, кто под шумок собирает жатву из человеческих душ ради быстрого прорыва, трусливо вешает вину на беззащитного калеку, а сам пакует вещи, готовый раствориться в ночи. Вам так не кажется, Лу-чжэньжэнь?

Глаза Истинного человека Лу опасно сузились:

— На что ты намекаешь?

— Ни на что, — беззаботно рассмеялся Чжао Сюэхань и вдруг резко сменил тему: — Вы ведь из школы Чистого Света? Позвольте спросить, как давно вы ходите в учениках?

Собеседник мгновенно подобрался, взгляд его стал ледяным.

— Какое это имеет отношение к делу? — отрезал он.

— Ровным счётом никакого, — ухмыльнулся Чжао Сюэхань, небрежно указав на заклинателя кончиком пальца. — Просто местные жители с таким почтением величают вас «Истинным человеком», а вы столь самонадеянно вершите суд над еретиком, даже не удосужившись сообщить старейшинам ордена. Я грешным делом подумал, что передо мной как минимум старейшина или великий защитник школы Чистого Света. А вышло... — Он демонстративно, с ног до головы, оглядел побледневшего оппонента. — Вышло, что столь грозный муж даже не сумел сформировать золотое ядро. Весьма занятно.

Лицо заклинателя исказилось от ярости. Подавшись вперёд и даже не пытаясь скрыть гнев, он процедил сквозь зубы:

— И что с того, что я не достиг стадии ядра? Истребление нечисти и защита невинных — долг каждого праведного заклинателя. К чему тревожить великих старейшин по таким пустякам?

— Да ни к чему, — весело отмахнулся Чжао Сюэхань. Он медленно выпрямился, и его взгляд, лишившись былой насмешливости, намертво пригвоздил Лу-чжэньжэня к месту. — Этот немой прожил здесь пять лет в мире и согласии с соседями. Он ни в чём не нуждался, а недавно и вовсе обручился с дочерью плотника. Перед ним была счастливая, спокойная жизнь — он мог не спеша практиковать или вовсе отказаться от пути совершенствования ради семьи. С какой стати ему вдруг устраивать бессмысленную бойню, губить односельчан и — что самое нелепое — без всякой причины лишать жизни собственную невесту?

Чжао Сюэхань сурово сдвинул брови. Чекая каждое слово, он заговорил быстрее, обрушивая на противника всю силу напускного величия. Читая испуганные мысли толпы, он безжалостно гнул свою линию, уверенно сплетая ложь и правду в сокрушительное обвинение:

— А вот вы, Лу-чжэньжэнь, вызываете куда больше вопросов. Ученик прославленного ордена, годами топчущийся на пороге заложения основ и неспособный пробиться к золотому ядру.

Вместо того чтобы уйти в затворничество и усердно медитировать, вы бездельничаете в этой глуши у самых границ мира демонов. Вы раздали людям амулеты, пообещав защиту от зла, однако с вашего появления в городке загадочно погибло уже больше двадцати человек! Откуда у заурядного мечника, едва заложившего основы, силы для создания столь мощных оберегов на всю деревню? Чем на самом деле являются ваши поделки — дешёвой фальшивкой для отвода глаз... — Чжао Сюэхань зловеще прищурился, — или же ловушкой с двойным дном? Так кто из нас застрял на пути совершенствования и в отчаянии бросился искать лёгких путей?!

Толпа взорвалась возмущённым гулом. Лицо Лу-чжэньжэня сделалось белым как полотно.

— Наглая ложь! Клевета! — яростно взревел он, вытаращив глаза.

Чжао Сюэхань украдкой мазнул взглядом по его фигуре и похолодел: пальцы заклинателя, спрятанные в складках широкого рукава, судорожно сжались в кулак, вокруг которого начал закручиваться едва заметный вихрь.

В груди испуганно ёкнуло. Этот мерзавец, поняв, что проигрывает спор, решил прибегнуть к силе и нанести подлый удар! Если он сейчас обрушит на него то смертоносное заклинание ветра, выдержат ли обычные деревянные ножны, которые Чжао Сюэхань таскал с собой?

Пытаясь опередить врага, он судорожно рванул ножны с пояса, собираясь прикрыться ими как щитом. Но ладони от страха вспотели: пальцы предательски соскользнули, и увесистая деревяшка, вырвавшись из рук, по дуге устремилась вверх.

Раздался звонкий, сочный шлепок — ножны с размаху припечатали Лу-чжэньжэня прямо по лицу.

Концентрация заклинателя сбилась, и зарождающийся вихрь в его рукаве мгновенно угас, зато физиономия налилась багровой яростью. «Пропал!» — в ужасе завопил про себя Чжао Сюэхань, но внешне сохранил абсолютное, ледяное спокойствие.

— Не советовал бы я вам пускать в ход оружие, — высокомерно процедил он, напуская на себя наглый вид. — Я лишь высказал свои соображения. Если благородному Лу-чжэньжэню есть что возразить — пусть говорит. Но учтите: если кто-то из нас сейчас внезапно испустит дух, подозрений вам уже точно не избежать.

Заклинатель осторожно коснулся пальцами горячей щеки, на которой уже проступала багровая полоса от удара. Стиснув зубы, он заставил себя успокоиться и расправил помятый воротник халата.

— Язык у тебя подвешен неплохо, почтенный, — с ядовитой усмешкой процедил он, вскидывая подбородок. — Только все твои речи — пустая болтовня, не подкреплённая ни единым доказательством. А вот виновность этого демонического отродья подтверждена неопровержимыми уликами.

Чжао Сюэхань на мгновение растерялся и оглянулся на него. Бледный как смерть художник испуганно замотал головой, беззвучно уверяя в своей невинности.

Чжао Сюэхань повернулся к упивающемуся триумфом Лу-чжэньжэню. Внутри у него всё клокотало от глухого, удушливого раздражения.

Зачем он вообще ввязался в этот спор? Они ведь могли сбежать ещё в самом начале, раствориться в лесной глуши, но вместо этого он застрял здесь, тратя драгоценное время на бессмысленную грызню с ничтожеством.

«Убить бы их всех...»

Тёмная, ядовитая мысль шевельнулась в глубине сознания. Будь у него прежняя сила, он бы единым взмахом выкосил всю эту никчёмную толпу вместе с напыщенным заклинателем, забрал бы него и ушёл. Просто вырезал бы их до единого.

<http://bllate.org/book/19675/2002859>